

си и спрячь получше. Он еще пригодится нам. Да смотри осторожно все сделай! Попадешься с приемником в лапы к немцам — знаешь, что будет? Ну, мама...

Сердце мое остановилось. Уходит единственный сын, единственная надежда... Хотелось прижать его к груди и не пустить от себя. Все, все заглушила я в себе, обняла, поцеловала сына, почувствовала на губах его мягкие волосы.

— До свиданья, Олег! Да берегись же там...

Зато, когда мы остались одни, наплакалась и нарыдалась, сколько хотела...

Со своей пятеркой Олег пошел на хутор Шеверевку, за семь километров от Краснодона. Переночевали у знакомых. Утром, перед тем как отправиться дальше, выяснилось, что у Сергея Тюленина обувь совершенно сваливается с ног. А мороз все крепчал. Сергей и Валерия возвратились назад. В Краснодоне они пробрались в свой подвал. Сергей обул сапоги, и они снова пошли на Шеверевку.

Но в условленном месте, у скирды сена, уже не застали никого. Только снег был тут притоптан. Ждали до вечера. Потом, не дождавшись товарищей, пошли в Ворошиловград одни.

Но и тут их постигла неудача — они не нашли «Данилу». Оставалось одно разумное: пробираться к линии фронта; он был в ста двадцати километрах от Краснодона.

«О Л Е Г, Г Д Е Т Ы?»

Первого января к вечеру была арестована уже половина молодогвардейцев. Этот день Нового года тянулся для нас, как вечность. Около десяти часов вечера к нам постучали.

«Пришли!» подумал каждый из нас.

Брат открыл дверь. В комнату вошли двое полицейских.